

С. Н. ЗИНЧЕНКО

ОФИЦЕРЫ БЕЛЫХ АРМИЙ О РОЛИ АНТАНТЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Антанта (фр. *entente* — согласие) — военно-политический блок России, Англии и Франции. Создан в качестве противовеса Тройственному союзу (А-Entente — Германии, Австро-Венгрии и Италии); сложился в основном в 1904 году и завершил размежевание великих держав накануне Первой мировой войны; объединил в ходе Первой мировой войны против германской коалиции более 20 государств (среди них США, Япония, Италия).

Наступает сто лет с начала потрясений, послуживших началом кровавых событий и изменивших ход истории нашей страны. Сто лет продолжают споры о том, как и почему это произошло, какие силы способствовали этому. Весьма интересна роль французского и английского посольств и непосредственно послов Мориса Палеолога и Джорджа Бьюкенена накануне февральских событий 1917 года в Петрограде. Несмотря на ряд военных неудач, относительную военную отсталость России, к 1917 году Российской императорской армией был одержан ряд громких побед на юго-западном и Кавказском фронтах. Бесперебойно работала на армию промышленность России, шли регулярные поставки вооружения, снаряжения и боеприпасов от союзников. Готовился российский десант для взятия Босфорского пролива, вследствие чего Тур-

ция выходила из войны, а затем была очередь Австро-Венгрии. Но десант был отложен на начало 1917 года из-за неожиданного вступления в войну на стороне Антанты слабой и малобоееспособной армии Румынии, рвавшей при разделе наследства Австро-Венгрии получить свой кусок пирога. Румынская армия была разгромлена, а России пришлось открывать новый, румынский фронт. До вступления Турции в войну 2 ноября 1914 года интересы союзников совпадали, претензии России на территориальные приобретения были минимальны и сводились к присоединению к империи старинных русских территорий (современная Западная Украина). Но с началом нового противоборства Российской и Османской империй тут же встал вопрос о контролируемых Турцией проливах из Черного моря в Средиземное, о православном доминировании в Палестине и непосредственно в Иерусалиме (конкретно под патронажем Русской православной церкви), были планы о превращении Стамбула в международный город. К тому же реально предполагалось создать на территории турецкой Армении с присоединением к ней российской Армении Армянского государства, которое, естественно, сразу бы стало младшим и надежным партнером Российской империи. Кроме того, это открывало России через Средиземноморье торговые пути и многократно увеличивало ее влияние на Балканах [6].

Могло ли это все понравиться основным союзникам России по Антанте, включая и США? Конечно же, нет. Могли ли члены Антанты действительно помочь армиям Колчака, Деникина и Юденича, которых они официально заверяли в своей дружбе, а не ограничиться небольшими гарнизонами в Архангельске, Владивостоке и Одессе, которые фактически не принимали участия в боевых действиях, и не вели ли они при этом двойную игру? Ведь в случае победы белых армий пришлось бы пересматривать итоги Первой мировой войны и последствия раздела Российской империи. Ни для кого не секрет, что белые вожди были консерваторами, не считавшимися с новыми политико-географическими реалиями, лозунг которых был «единая и неделимая Россия», отвернувший от них всех потенциальных союзников. Тем не менее после возможной победы белогвардейцев в любом случае были бы переговоры, договоренности, конференции и, наконец, так декларируемое Учредительное собрание. И не было бы рек крови, массовых репрессий, уничтожения крестьянства, хронического отставания экономики и промышленности и нищенского уровня жизни народа. Тема эта глубокая и серьезная, требующая капитальных и последовательных исследований. Мы же узнаем пока, что писали в своих воспоминаниях по этому поводу непосредственные участники событий, преданные «союзниками».

Вот цитаты из воспоминаний известного белого эмигранта и полковника Кубанского казачьего войска Федора Ивановича Елисеева. Описы-

ваемые действия происходят в марте и апреле 1920 года, когда войска Деникина отступали к Черному морю в надежде эвакуироваться в Крым и продолжить борьбу:

«...Генерал Науменко сказал нам очень коротко и просто, буквально так: Господа!.. Мы идем в Грузию. Там Кубанская армия будет реорганизована для новой борьбы... Мы все не сомневались, что в портах на Черноморском побережье, в Туапсе и Сочи, заготовлены большие запасы фуража и продовольствия для всей Кубанской армии; с грузинским правительством заключен договор, и мы туда идем, как в дружественную и православную страну» [1, с. 140-141].

А вот совещание на границе с Грузией руководства Кубанской армии, фактически назначенного Деникиным войсковым атаманом не-казака генерала Букретова и командования, следовавшего с кубанцами 4-го Донского казачьего корпуса: «...Встал атаман Букретов и сказал следующее: Кубанская армия находится в тяжелом положении. Случайно, через генерала Морозова [на тот момент командир 4-го Донского корпуса. — С. 3.], мы вошли в связь с красным командованием, предложившим нам мир... Дрейлинг [на этот момент — начальник штаба данной группировки, полковник. — С. 3.]... по бумаге стал нам читать «условия красного командования, на которых может быть заключен мир». Я их не буду приводить, укажу только, что перечисленные условия, подписанные начальником 34-й красной пехотной дивизии, действовавшей против нас, Егоровым и военным комиссаром дивизии Сутиным, заканчивались ультимативно: «Срок мирных переговоров кончается 2-го мая сего года в 4 часа 15 минут. К означенному сроку Вам надлежит дать определенный ответ». Дата по новому стилю. Мы жили по-старому. Значит, ультиматум кончается 19 апреля старого стиля, а военный совет был накануне, 18-го... Прочитав, Дрейлинг дополнил, что «при личных переговорах... дано время для ответа ровно 24 часа и добавил: «О сдаче не может быть и речи. Наша цель — затянуть переговоры дня на три, когда к нам придут транспорты из Крыма для погрузки, для переброски казаков туда».

Букретов... обратился к члену правительства Балашеву, только что вернувшемуся из Гагры, где он вел переговоры с грузинским представительством, доложить совету, как обстоит дело с переходом армии в Грузию? (Балашев)... доложил: «Грузинское правительство отказалось пропустить казаков на свою территорию, боясь угрозы красных, которые предупредили, что Красная армия «на плечах казаков» войдет вслед в Грузию и неизвестно где остановится» [1, с. 238-239].

Далее Елисеев анализирует обстановку, опираясь на воспоминания Деникина, Врангеля и председателя Кубанского правительства Иваниса: «О первых ласточках мира с красными Деникин пишет так: «В один из

ближайших дней перед эвакуацией (Новороссийска) ко мне явился генерал Бридж со следующим предложением Английского Правительства: «Так как, по мнению последнего, положение катастрофично и эвакуация в Крым неосуществима, то англичане предлагают мне свое посредничество для перемирия с большевиками». Я ответил: «Никогда» [3, с. 256].

Дальше генерал Врангель пишет, что верховный комиссар Великобритании в Константинополе, адмирал де Робек, передал ему, Врангелю, секретную телеграмму для генерала Деникина, которая заканчивалась словами: «Однако если бы генерал Деникин почел бы себя обязанным его отклонить [т. е. перемирие с большевиками. — С. 3.], дабы продолжить явно безнадежную борьбу, то в этом случае Британское Правительство сочло бы себя обязанным отказаться от какой бы то ни было ответственности за этот шаг и прекратить в будущем всякую поддержку или помощь какого бы то ни было характера генералу Деникину» [1, с. 256].

«...Из этих коротких выдержек генералов Деникина и Врангеля ясно видно, что «мир с большевиками» зародился не в умах военных и политических руководителей Кубани. Но когда Кубанская армия была прижата к морю от Хосты и до грузинской границы, по шоссе и в окрестностях, на пятачке территории в 15 верст по птичьему полету, где скопилось до 60 тысяч войск и беженцев, без фуража и продуктов питания для людей, положение стало катастрофическим» [1, с. 257]. Здесь же Елисеев приводит цитату из сборника «Трагедия казачества», том 4: «Представитель Английского командования, присутствовавший на переговорах Кубанского Атамана генерала Букретова, начальника штаба армии полковника Дрейлинга и председателя Кубанского Правительства Иваниса в Гаграх 15 апреля высказался решительно против насильственного перехода Кубанцами границы Грузии и пригрозил, что в случае осуществления казаками подобного плана Великобритания не только откажет Кубанцам в своей помощи, но решительно воспрепятствует осуществлению этого намерения» [1, с. 257].

«Мы, фронт, тогда еще ничего не знали о жуткой трагедии Донской армии при эвакуации Новороссийска. Две трети от ее численности остались на берегу... По многим источникам, на Черноморском побережье отступило около 60 тысяч войск с беженцами. Генерал Голубинцев в своей книге пишет: «Насколько помню, Донских казаков в строю было около 12-ти тысяч, а всего на довольствии около 18-ти тысяч [имеется в виду 4-й Донской корпус. — С. 3.]». Черкесская конная дивизия насчитывала в своих рядах около 3 тысяч всадников. Следовательно, Кубанская армия насчитывала в своих рядах около 40 тысяч [к счастью, это была не вся Кубанская армия: части кубанских соединений удалось прорваться в Крым, группа генерала Фостикова ушла в горы и соедини-

лась с войсками Врангеля во время августовского десанта под началом генерала Улагая на Кубань. — С. 3.]

Из Крыма молчание и нет транспортов. Грузия закрыла границу. Английская эскадра в Черном море поддержала решение Грузии, а британское правительство, как указано выше, предложило еще генералу Деникину прекратить войну с красными, считая ее «проигранной и безнадёжной» [1, с. 258].

«При таком катастрофическом положении Кубанский Атаман и правительство решили заключить перемирие с красными, надеясь, что перевозочные транспорты из Крыма еще подойдут.

«16-го апреля была послана по радио телеграмма генералу Врангелю в Крым, с просьбой прислать пароходы для эвакуации казаков».

«17-го апреля была послана новая просьба о присылке пароходов» (здесь также цитаты Елисеева из сборника «Трагедия казачества», том 4). Пароходы не прибыли» [1, с. 259].

Таким образом, вследствие бездарного руководства Деникина и его окружения, его недалекой политики и провального военного планирования его и его начальника штаба Романовского не только была провалена военная кампания, но и подло сданы казачьи армии, отступившие к Черному морю, и с ними почти все сражавшиеся на стороне белых калмыки вместе с семьями, а также храбро сражавшаяся в составе кубанских частей черкесская дивизия. Много вопросов вызывает поведение так называемых английских «союзников», которые вместо того, чтобы хотя бы прикрыть орудиями своей эскадры эвакуацию казачьих армий, этими же орудиями грозили им в том случае, если они самовольно пройдут в Грузию, которая принуждена была отказать в этом кубанским и донским частям. И уж весьма неприглядная роль в этом самого Деникина, известного казакофоба, не даром его дочь Марина Антоновна во время своего визита в Россию в 2005 году, незадолго перед смертью, извинялась за отца перед казаками.

Ну а как обстояло дело в армии Колчака, которого «союзники» убедили встать во главе антибольшевистского движения? Вот воспоминания Дмитрия Владимировича Филатьева, генерал-лейтенанта и профессора академии Генштаба. С начала Гражданской войны он активно участвовал в Белом движении на территории современной Украины, с ноября 1919 года заведовал снабжением в армии Колчака [2, с. 702].

Филатьев пишет, что Колчаку было предложено советом министров отречься, речь идет о времени отступления белой армии зимой 1919 года, когда Колчак в штабном вагоне следовал к Иркутску: «Колчак фактически не руководил армией, но колебался: «Не подлежит сомнению, что на колебания адмирала оказывала влияние боязнь за судьбу золота,

которое невозможно было перегрузить на сани, но и ехать с ним дальше по железной дороге, при враждебности чехов и населения, было небезопасно... Кстати, о золоте. Генерал Жанен еще в Омске предлагал адмиралу взять золото под свою охрану и гарантию и вывезти его на восток. Адмирал на это предложение отвечал: «Я лучше передам его большевикам, чем вам. Союзникам я не верю» [5, с. 447].

Затем Филатьев пишет о событиях в начале января 1920 года в Иркутске, где в то время находилось эвакуированное из Омска правительство: «События в Иркутске развивались в следующем порядке. 24 декабря [ст. стиля. — С. 3.] произошло восстание в казармах 53-го полка в Глазковском предместье у вокзала, отделенном от города рекой Ангарой, через которую мост, случайно или умышленно, оказался разорванным. По этой причине парализовать восстание оказалось невозможным, поэтому начальник казарм 26 декабря [ст. стиля. — С. 3.] уведомил о своем намерении генерала Жанена [представитель Высшего межсоюзного командования и главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке. — С. 3.]. В ответ на это извещение генерал Жанен сообщил, что не допустит обстрела и в свою очередь откроет огонь по Иркутску. Иными словами, генерал Жанен становился на сторону повстанцев против правительства Колчака, а подчиненные Жанену чехи захватили в свои руки все перевозочные средства через Ангару и таким образом лишили Сычева возможности подавить восстание 53-го полка. 27 декабря [ст. стиля. — С. 3.] Сычев получил телеграмму из села Листвичного от командира семеновского дивизиона броневых поездов Арчегова, что он идет в Иркутск, но союзники препятствуют движению. Эти бронепоезда так и не дошли до Иркутска» [5, с. 455].

Далее Филатьев описывает бои проправительственных сил и некий Политический Центр, объединивший все пробольшевистские силы. И подводит итог событиям: «Вновь вмешался генерал Жанен и предложил свои посреднические услуги между враждующими сторонами. 2-4 января [ст. стиля. — С. 3.] тянулись безрезультатные переговоры в вагоне Жанена. Гордиев узел был разрублен самым неожиданным образом. 5 января [ст. стиля. — С. 3.] на улицах Иркутска были расклеены объявления о «падении ненавистной власти Колчака» и о принятии власти Политическим Центром. Совет министров, то есть правительство адмирала Колчака, никем не свергнутый и не отрекшийся от власти, вдруг прекратил существование... Так автоматически прекратилась и власть диктатора адмирала Колчака [5, с. 456].

И затем Филатьев, человек информированный, подводит итог тому, кем действительно для белых армий являлись союзники: «Что касается до «союзников», которых у нас нередко обвиняют в вероломстве и эгоизме, то тут как будто кроется недоразумение. Забывают, что в дей-

ствительности никаких «союзников» у нас не было со дня подписания Брест-Литовского мира. Союз возобновился на короткое время в Сибири, когда чехи были двинуты из Владивостока на Урал, и он вновь кончился 11 ноября 1918 года, в день подписания перемирия [Антанты с кайзеровской Германией. — С. 3.]. Начиная с этого дня, у Колчака не было союзников, но еще находились «сочувствующие», главным образом полковник Нокс [представитель Великобритании. — С. 3.]. Название же «представители союзников» употреблялось по старой памяти и отнюдь не соответствовало действительности. Чехи, коих было большинство, думали только о том, чтобы поскорее выбраться из Сибири домой. Для этого надо было быть уверенным в непрерывности движения по железнодорожной магистрали. Они ее захватили в свои руки, и повели как в завоеванной стране, пользуясь нашей слабостью и невозможностью силой противостоять их разнузданности. Горе побежденным [5, с. 457]! Сам же Колчак с сопровождающими его демонстративно был выдан «Политическому Центру» сразу по прибытии их в Иркутск: «По прибытии в Иркутск бегом направился к Сыровому [Сыровый Ян — осуществил общее руководство чехословацким корпусом. — С. 3.] и, вернувшись, спустя короткое время, с волнением сообщил, что адмирала решено выдать Иркутскому революционному правительству. Колчак вступил на свою Голгофу. Это было 15 января. На вокзале спешно составлялся акт передачи Верховного Правителя Политическому Центру, причем техника передачи была заранее установлена особым соглашением между чешским доктором Благошем и представителем Политического Центра Косьминским. В своем усердии перед Политическим Центром чехи выдали всех, ехавших в вагоне адмирала, даже женщин» [5, с. 460].

В выдаче непосредственно Колчака немаловажную роль сыграл и «золотой эшелон» российской казны, прикарманенный «союзниками» после выдачи Колчака. Часть его успели разстранжирить и подарить кайзеру до захвата Каппелем Казани, куда на тот момент была эвакуирована значительная часть золотого запаса империи, часть белое правительство потратило. Но осталось 657 миллионов рублей золотом — громадная по тем временам сумма [5, с. 464]! Часть из этого кинули большевикам, формально чтобы партизаны не мешали продвижению чехословацких эшелонов. Небольшая часть попала атаману Семенову, была положена им в японский банк, и выдана обратно голодавшим эмигрантам не была. Напрасно ездил Семенов за правдой в Америку, хотя в открытую об этом он не говорит [1, с. 303-311]. Ну а остальное «пропало» в закромах «союзников». Об этом цитата из воспоминаний атамана: «...Сопоставляя данные о количестве золота, отправленного из Омска, с количеством

принятого большевиками от чехов в Иркутске, мы можем восстановить более или менее точную сумму, в которую был оценен адмирал Колчак. Оставшийся у красных генерал Болдырев в своих записках указывает, что чехами в Иркутске было сдано всего двести пятьдесят миллионов золотых рублей, тогда как, по сведениям лиц, сопровождавших этот литерный поезд, количество отправленного из Омска золотого запаса превышало эту сумму более чем в два раза» [1, с. 235]. Свою долю получили и непосредственные исполнители «белочехи», «братушки» чехи и словаки. Вот что пишет о времени своего пребывания в Шанхае в своих воспоминаниях Григорий Михайлович Семенов: «Враждебное отношение ко мне шанхайского консульского корпуса я объясняю тем, что в свое время я резко выступил против генерала Жанена, вызвав его на дуэль в дни предательства им адмирала Колчака. Кроме того, я еще в Забайкалье требовал учреждения междусоюзной комиссии для фиксирования всех ценностей и разного рода частного имущества, награбленного чехами в Сибири и вывезенного ими в Чехию. Тогда мне было отмечено союзным командованием, что в его задачу совершенно не входит охрана русского имущества, и оно стремится лишь к скорейшей эвакуации чехов из пределов Сибири [1, с. 301].

Подлое, предательское и иезуитское поведение «белочехов» — это, пожалуй, одна из самых черных страниц не только Гражданской войны, но и всей отечественной истории. До сих пор не утихает вселенский плач по уничтожению Пражской весны, по вводу советских войск в Чехословакию в 1968 году. Но они же, чехи и словаки, сами сделали все, что смогли, для победы советской власти, которая и объединила после победы над гитлеризмом чехов и словаков в единую страну, устроила там социалистический режим, а когда те возмутились — недовольство было жестко подавлено. Также следует заметить, что вся Чехия старательно работала во Вторую мировую войну на Гитлера, снабжала его войска бронетехникой и боевыми самолетами, построенными на заводах, созданных на награбленное в Сибири, на Волге и на Урале, на иудину долю от «золотого эшелона». Словакия же выступила как сателлит гитлеровской Германии. Старшее поколение сибиряков еще помнит переделанную старинную песню, где вместо слов «на нас напало злое племя» звучало «на нас напали злые чехи».

После того как весной 1918 года с подачи Антанты созданные из военнопленных Австро-Венгерской армии «братьев-славян» чехословацкие легионы подняли мятеж и помогли действительно свергнуть власть большевиков, они свернули свое участие в боевых действиях, ими, как уже отмечалось, фактически была захвачена вся Транссибирская магистраль

от Екатеринбурга до Владивостока. Готовили чешские легионы для войны против Германии; в связи с Брестским миром собрались их якобы отправить на Западный фронт через Америку, но в ноябре 1918 года кайзеровская Германия капитулировала, а чехословацкие легионы продолжали оккупировать Транссиб и на родину почему-то не торопились. И подчинялись они напрямую только руководству бывшей Антанты через французского генерала Жанена. После поражения белой армии Колчака чехословацкие легионеры, фактически ставшие полноправными хозяевами Транссиба, категорически отказались пропускать поезда с беженцами, больными, отступающими колчаковцами до тех пор, пока не пройдет последний чехословацкий вагон. О том, как «белочехи» спокойно вывозили награбленное имущество, а русские беженцы и раненые замерзали и гибли от тифа в вагонах и от пуль красных партизан на узловых станциях, хотя в это время трасса была свободна, есть масса свидетельств. Вот одно свидетельство из множества — воспоминания Александра Ефимовича Котомкина, колчаковского полковника, занимавшегося также редакторской и литературной деятельностью [2, с. 701]: «Эвакуационные поезда длинной лентой вытянулись между Омском и Ново-Николаевском. На 150 верст к западу от Ново-Николаевска растянулись эшелоны эвакуации Омска и стали. Дальше двинуться оказалось невозможным — впереди железная дорога была безвыходно закупорена. Стояли лютые морозы. Сзади накатывала валом регулярная Красная армия. По сторонам лежала бесконечная холодная сибирская тайга, в которой не разыскать ни крова, ни пищи. Замерзавшие беженцы, кто поздоровее, выходили из вагонов и беспорядочными толпами шли на восток, шли, пока были сильны, а раненые, больные, матери с детьми беспомощно оставались замерзать [4, с. 424]. Далее Котомкин приводит материалы из газеты «Дело России», № 14 за 1920 год: «...Главными, если не единственными виновниками всего этого не передаваемого словами ужаса были чехи. Вместо того, чтобы спокойно оставаться на своем посту и пропустить эшелоны с беженцами и санитарные поезда, чехи силою стали отбирать у них паровозы, согнали все целые паровозы на свои участки и задерживали все, следовавшее на запад. Благодаря такому самоуправству чехов весь западный участок железной дороги сразу же был поставлен в безвыходное положение. Более пятидесяти процентов имеющегося в руках чехов подвижного состава было занято под запасы и товары, правдами и неправдами приобретенные ими на Урале, Волге и в Сибири. Тысячи русских граждан, женщин и детей были обречены на гибель ради этого проклятого имущества чехов» [4, с. 424].

Все это действительно происходило так, но вряд ли чехи были главными виновниками ужаса происходившей сибирской катастрофы. Есть много

свидетельств желания японцев оказать необходимую поддержку войскам и администрации Колчака и Семенова. Правда, не стоит верить в альтруизм японского командования, как иногда преподносится. Свой интерес Японская империя, несомненно, блюла, но тем не менее заявленные обязательства японскими войсками выполнялись. Вот еще из воспоминаний Филатьева о выдаче Колчака чехословаками Политцентру: «...Присутствовавшие на вокзале японцы молчаливо наблюдали сцену передачи адмирала, но, по словам японского полковника Фукуды, когда передача уже состоялась, он, Фукуда, разыскал Сырового и предложил ему в тот же день, 15 января, взять на себя перевозку адмирала, если чехи извлекут его из тюрьмы. Сыровой отказался...» [5, с. 460-461]. Вряд ли серьезно стоит принимать такие заявления, что якобы японские войска бежали из Забайкалья, а потом и из Приамурья и Приморья под неудержимым натиском Красной армии. Регулярная Японская императорская армия намного превосходила молодую Красную армию образца 1920-1922 годов по всем параметрам и просто боялась вступать с ней в прямые боестолкновения, борьба велась только силами партизанских отрядов. Вот что пишет о судьбе прорвавшейся в Забайкалье капелевской группировки тот же Филатьев: «В Забайкалье собралось около 12 тысяч человек, не считая жен и детей. Это все, что осталось от когда-то хоть и не грозной, но многочисленной 800-тысячной армии [численность белогвардейских формирований, подчиненных Колчаку, завышена автором в два раза. — С. 3.], без славы, без почестей и без ратных подвигов. Попытки возродить армию кончились ничем. Мы продержались в Забайкалье ровно до тех пор, пока там оставались японцы, которых красные не осмеливались атаковать. Как только ушли японцы, так и наши войска отступили в Маньчжурию, были там разоружены китайцами и невооруженными перевезены в Приморскую область» [4, с. 466].

Пассивность японской армии объясняется просто. Еще в декабре 1917 года Антанта провела совещание по разграничению сфер влияния в России и контакте с антисоветскими правительствами [7]. Активность сия объясняется просто — Советская Россия демонстративно прекратила военные действия и распустила старую армию. Вследствие этого: «18 февраля 1918 года Верховный совет Антанты принял решение об оккупации японскими войсками Владивостока и Харбина, а также зоны КВЖД. Однако США, опасавшиеся чрезмерного усиления Японии в северо-западной части Тихого океана, потребовали от нее обязательства не предпринимать широких операций без ведома и согласия Антанты, а также вывести свои войска после достижения целей интервенции. 16 марта японское правительство дало такие заверения» [7]. К 1919 году ситуация, в связи с поражением Германии и ее союзников, резко изменилась. Весьма заманчиво стало обес-

кровить Россию Гражданской войной, постараться, чтобы победа в ней досталась некомпетентной партии большевиков в расчете превращения остатков Российской империи в третьеразрядную державу. То, что в результате получилось не так, как рассчитывали союзники по Антанте, — это уже другая, не менее интересная тема для исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атаман Семенов. О себе. — М., 2002. — 378 с.
2. Великий Сибирский Ледяной поход. — М.: ЗАО Центрополиграф, 2004. — 718 с.
3. Елисеев Ф. И. Побег из красной России. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. — 543 с.
4. Котомкин А. О чехословацких legionерах в Сибири // Великий Сибирский Ледяной поход. — М.: ЗАО Центрополиграф, 2004. — 718 с.
5. Филатьев Д. Катастрофа Белого движения в Сибири // Великий Сибирский Ледяной поход. — М.: ЗАО Центрополиграф, 2004. — 718 с.
6. URL: <http://voprosik.net/sekretnye-dogovorennosti-nikolaya-ii-i-soyuznikov> (дата обращения: 12.03.2017).
7. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/https://ru.wikipedia.org/wiki/Японское участие в Сибирской интервенции](https://ru.wikipedia.org/wiki/https://ru.wikipedia.org/wiki/Японское_участие_в_Сибирской_интервенции) (дата обращения: 06.01.2017).